

**Дружище
ТОБИК**

Виталий Титович Коржииков

Буран

OCR & Spelcheck TaKir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157023

*Дружнице Тобик: Рассказы / Рис. Г. Никольского, В. Юдина, В. Лаповок:
«Детская литература»; Москва; 1987*

Аннотация

Сборник рассказов советских писателей о собаках – верных друзьях человека. Авторы этой книги: М. Пришвин, К. Паустовский, В. Белов, Е. Верейская, Б. Емельянов, В. Дудинцев, И. Эренбург и др.

Виталий Коржиков

Буран

В доме появился человек – в пограничной фуражке, в крепко пахнущих сапогах, поднял Бурана над головой и спрятал на груди. А проснулся Буран уже среди высоких сопок во дворе, где оказалось много-много собак – и больших и маленьких.

Было их здесь больше, чем людей. Они все лаяли, и от этого хотелось и лаять, и валяться, и прыгать. Можно было потрепать за ухо какого-нибудь щенка и вместе с ним барахтаться на траве до тех пор, пока не приносили тарелку с вкусной едой.

Но скоро эти весёлые глупости кончились. Бурана и товарищей взяли на поводки, которые они тут же стали грызть.

Буран тоже куснул раз-другой, но вспомнил, как красиво ходят крепкие взрослые собаки, и сам пошёл на поводке рядом с вожатым – крепко и важно. А вожатый сказал:

– Вот и хорошо! Молодец!

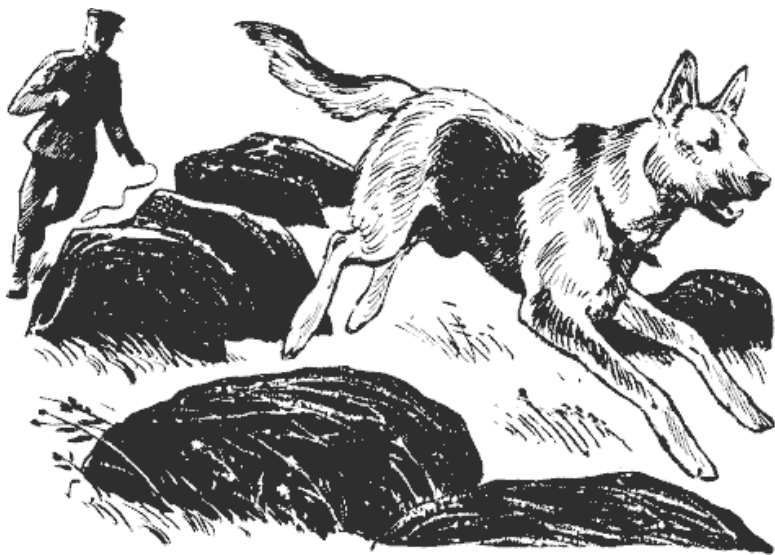
Молодец! К этому слову он скоро привык, как к собственному имени. За бум – молодец, за барьер – молодец. Потому что всё, что у других не получалось, у него выходило. А если получалось не сразу, то он сам начинал всё делать снова, потому что любил, чтоб у него получалось всё.

И за это вожатый ещё радостней говорил ему:

– Молодец! Ты смотри, какой молодец! Просто умница.

Правда, и с молодцами, если всё время твердить «молодец, молодец», могут случаться неприятности.

Стал Буран молодым крепким псом. Он уже хорошо знал и как берут нарушителя, и как прорабатывают след: кому он принадлежит, какого размера, сколько времени назад оставлен. Это-то Буран определял лучше других. И случалось, люди говорят: «Три часа назад!» – а Буран прикидывает: «Нет. Три часа – это половина ночи. А след оставлен ночь назад!»

След он брал хорошо. Как-то его вожатый – первый вожа-

тый – проложил след по верхам валунов, а не по самой земле. Пустили собак: «Ищите!» Никто не нашёл. А Буран понюхал, понюхал: след вроде не по траве идёт, а в воздухе качается. И чем ближе к камню, тем запах его сильнее. Вспрыгнул Буран на валун – и пошёл с камня на камень!

С той поры стали его отличать.

А начальник одной заставы посмотрел и говорит:

– Ну что ж, неплохо работает. Правда, были собаки, которые за полкилометра лезвие находили!

А вожатый сказал:

– Хотите, окурок за километр спрячу.

– Ну, окурок! Окурок самый бездарный лодырь унюхает.

– Давайте гвоздь!

Вожатый дал понюхать Бурану гвоздь – Буран и сейчас ещё помнил его кислый железный запах, – потом пустил пса с поводка, и через полкилометра Буран вытащил его за сараем из старой рисовой соломы...

Вот когда на Бурана посыпались почести. Лучшую похлёбку – ему, лучший кусок – ему. На показ – его. Он даже стал посматривать на бывших приятелей свысока.

И собаки стали поглядывать на него с недовольством: «Как бегать – кто-то другой, а как показывать и прикармливать – так Бурана».

Это Бурану не понравилось. Но за что его невзлюбили, он понял не сразу.

А вот вожатый, хороший человек, понял с ходу и сказал:

– Пора ему на работу. Портят собаку. Ишь, аристократа сделали. Работать надо!

И повёз Бурана на заставу.

Вот тут-то и попал Буран в историю. Но, может быть, без этой истории и не стал бы он настоящей честной собакой. А чтобы быть настоящей, собаке нужно чувствовать себя честной.

Работал-то Буран честно всегда, когда бы ни подняли. И в стужу, и в дождь, и в снег.

Но рядом с ним в собачнике были ещё два пса. Пират и Сардар. И между ними была не только железная сетка, но и глухая неприязнь.

Собаки не говорят, но мысли и чувства друг друга понимают и на расстоянии. Буран сразу уловил, как старый, с порванным медведицей ухом Сардар бросил на Пирата презрительный взгляд, который на человеческом языке означал бы приблизительно: «Вор и пройдоха!»

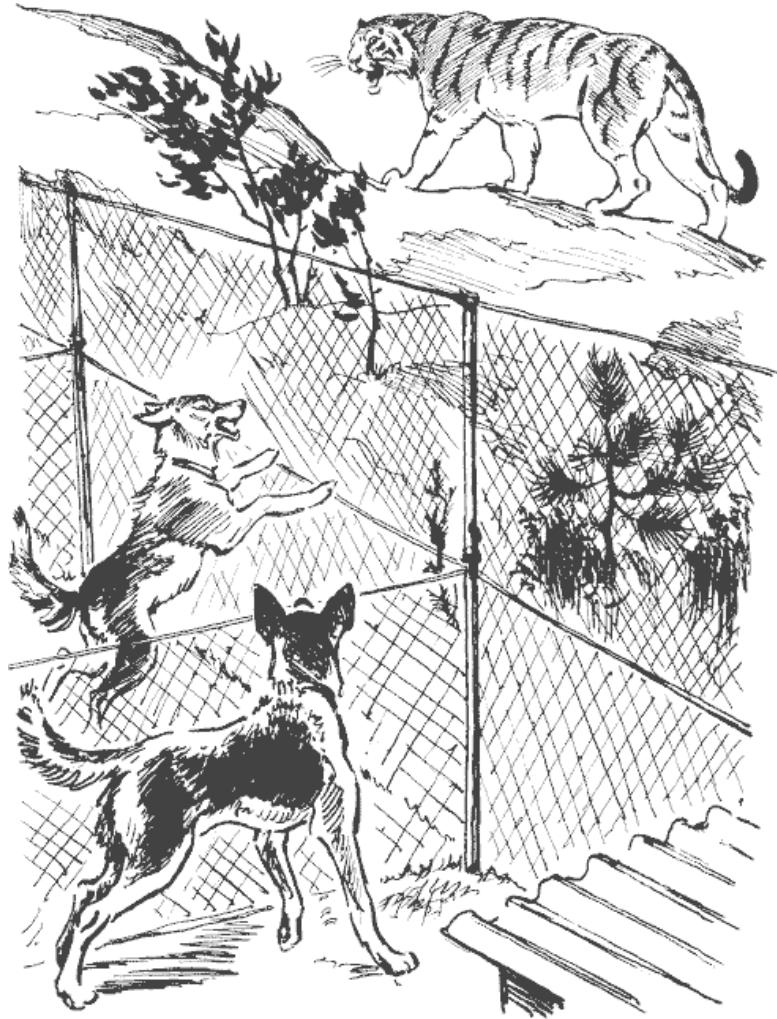
Бурану и самому сытый и нагловатый Пират не понравился сразу. Выглядел он и важным и высокородным, но, глядя на него, Буран вспомнил вдруг далёкую-далёкую картину.

В питомнике, в том первом его питомнике, ходили рядом разные псы – и добрые и заносчивые, и очень крепкие и послабей. И смотрел он на них на всех с почтением и уважением.

Однажды, когда он катался с приятелем по траве, вдруг, в один миг, что-то произошло. Несколько собак – и недавно

гордые, и заносчивые – сразу забились в клетки и, поджав хвосты, трусливо затаивались и заскулили.

А другие рванулись вперёд, оцетинились, в глотках их заклокотало, и они приготовились к бою. На рыжей сопке появился громадный полосатый зверь и издал отрывистый, сотрясающий горы рык.

Но собаки ощерились и бросились вперёд так, что зверь, рыкнув потише, хлестнул себя хвостом по бокам – и ушёл.

И маленький Буран почувствовал себя крепко и гордо, потому что он тоже, не испугавшись, лаял изо всех сил и готов был броситься в драку. Он был с теми, кто выступил против врага!

Пират, как ему показалось, сразу поджал бы хвост.

Не понравилась Бурану его морда и то хвастливое выражение, с которым он смотрел вокруг. «Подумаешь, работяга! Сейчас я этого Сардара подразню, я его облапошу».

Он даже поглядывал на Бурана с приглашением: может быть, подразним вместе?

Но Бурану такие выходки были не по нраву. Правда, Сардар тоже не совсем пришёлся ему по нутру. Иногда Бурану казалось, что старый пёс зря скандалит и бросается на сетку нахального Пирата, потому что тому постелили больше сена, или рычит, оттого что клетку у Пирата вычистили раньше и лучше, чем у него.

И только потом он понял, что старый Сардар не брюзжит, не скулит, а требует справедливости. Нельзя делать хорошее тому, кто нечестно живёт, плохо работает и готов утащить чужой кусок!

А сам Сардар работал очень хорошо. Даже когда лежал у себя в клетке, он работал.

Положив голову на лапы, он всё равно работал. Носом и умными глазами он прорабатывал свою тысячу раз исхожен-

ную территорию. Сардар всегда держал её всю в уме и даже на расстоянии видел и чувствовал всё, что там происходит: и где идёт осторожный олень, и где роет корешки кабан, и где потопал за виноградом медведь...

И если что-то было не так, он приподнимал голову и ворчал: почему его не зовут по тревоге? Пора наводить порядок!

Он так чётко всё представлял, что лежавший за перегородкой Буран тоже начинал видеть ту территорию. Он улавливал в это время всё, будто у него были глаза Сардара.

А вот когда он улавливал чувства Пирата и начинал смотреть на всё его глазами, у Бурана словно бы под боком появлялась куча свежего сена и начинала дымиться вкусная миска с похлёбкой. Иногда это была почему-то миска Сардара.

А почему – Буран увидел позднее.

Однажды собакам принесли миски тёплой похлёбки. Сардар, понюхав, отошёл в угол, чтобы запахи не дразнили, пока похлёбка не остынет, и стал вглядываться в свою территорию, работать.

И тут, приподняв край железной сетки, Пират втащил зубами миску Сардара к себе и стал, жадно хапая, хлебать его еду, ехидно глядя, как будет вести себя Сардар. Возмущённый Сардар взвыл от негодования. Он бросился на сетку так, что прибежали и вожатый и повар.

Но за это время хитрый Пират успел мордой протолкнуть пустую миску на место, и повар, показав на неё вожатому, сказал:

– Старый стал твой Сардар. Лопать горазд, а бегать дудки!

И это было несправедливо, потому что всё было как раз наоборот.

Когда Буран встречал плутоватый взгляд Пирата, в голове его тоже начинали твориться непонятные вещи. Он вдру- заранее хитрил, не хотел идти по тропе, его подмывало вытянуться и раскинуть жалобно лапы. Буран начинал на себя ворчать и огрызаться. Это были не его привычки! Но он уже знал – теперь точно знал, что сейчас Пират будет при- творяться.

Он и в самом деле однажды видел, как веселившийся недавно Пират вышел на тропу, понюхал, понюхал, потом заметался, взвизгнул и отчаянно стал смотреть по сторонам, не понимая, куда это делся след.

Вожатый потянул его дальше, но через каких-нибудь сто метров повторилось то же самое.

Вожатый пнул Пирата, и Буран обрадовался, потому что это было справедливо! Можно было валять дурака на учебном занятии, когда от следа пахло ленью, потому что какому-нибудь человеку тоже было лень прокладывать этот след. Но хитрить, прикидываться на службе было подло. И вожа- тый так и сказал: «Ну и подловатый пёс!»

Старый Сардар такого себе никогда бы не позволил! Он бежал лучше всех, в любую погоду, когда сытый Пират, при- кинувшись захворавшим, валялся на мягком сене.

Как-то целую неделю шли на участке холодные дожди. И

так же часто, как шли дожди, приходилось псам бегать в наряд. Но теперь не трём псам, а двум. Потому что как только пограничники подходили к Пирату, который совсем недавно хитро и нагло смотрел на соседей, он тут же ложился, клал на вытянутые лапы морду и начинал кряхтеть, скулить, ему щупали нос, уши, и вожатый разводил руками:

– Болен!

И если бы Буран мог, он крикнул бы: врёт, он не болен! А болен Сардар! Послушайте, как он хрипит!

Но Сардар скулить не привык. Он поднимался вместо косившего глазом Пирата и бежал – в мокрые кусты, в камыши, в злые колючки, потому что его территория должна была быть в порядке!

Как-то под утро после ночной работы Буран вздремнул и радостно зажмурился: он увидел во сне тёплый большой город и весёлые полосатые рубахи с полосатыми лапами. Но вдруг в город ворвался нарушитель, за которым он погнался, началась страшная погоня, какой Буран никогда не видел и не знал.

Он открыл глаза и понял, что с его сном смешался сон Сардара. Это Сардар мчался за противником из последних сил, у него колотилось сердце и свистело в груди.

Уже наступило утро, а Сардар всё гнался, сердце его колотилось, и погоне не было конца... Он должен был догнать нарушителя, хотя, может быть, бежал в последний раз.

Настоящие собаки всегда чувствуют этот последний раз,

и Буран волновался и скулил, беспокоясь за товарища.

А беспечный Пират сидел себе как ни в чём не бывало, весело вертел головой, и, замечая это, Буран наливался злостью, шерсть на нём поднималась, и сдерживал он себя только потому, что пограничная собака должна уметь держать себя как положено.

Но вот к клеткам подошёл повар, сунул в клетки миски с похлёбкой.

И, почувствовав, что сейчас должно произойти, Буран насторожился.

Пират протиснул морду в клетку всё ещё гнавшегося за врагом Сардара, потянул миску к себе, и в тот же миг, перемахнув через ограду, Буран выбил дверь его клетки и всеми зубами впился в подлую морду вора...

Сбежавшиеся пограничники едва вытащили его из клетки и взяли на цепь. Приезжий инструктор службы собак развёл руками: «Ничего не понятно!» А вожатый – первый вожатый Бурана – заметил в клетке Пирата миску соседа и сказал: «Почему не понятно? Всё понятно!»

И когда днём Пират без жалоб старательно пошёл по следу, вожатому тоже всё стало понятно.

А Буран сидел на цепи и чувствовал себя настоящей, самой настоящей пограничной собакой...